

ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕОГРАФА. ОЧЕРКИ И ЭССЕ

Л.Г. Ощепков

Пермский краеведческий музей

УДК 913

ПУТЕШЕСТВИЕ НАТУРАЛИСТА

Заграничные поездки для жителя русской провинции начала XX века были явлением крайне редким, тем более в экзотические страны. Япония до 1904 года большинством европейцев воспринималась как отсталая азиатская страна, находящаяся на огромном удалении от центров цивилизации. Внезапный успех японцев в войне с Россией вызвал всплеск интереса к появившемуся на мировой арене новому могучему государству, а также к его истории и культуре. Одним из немногих уроженцев Пермской губернии, побывавших в Японии в это время, был Павел Васильевич Сюзев, офицер русской армии, ботаник-любитель, впоследствии профессор Пермского университета.

Ключевые слова: Сюзев П.В., Маньчжурия, Нагасаки, Иноса, Токио, Йошивара, театр кабуки, курума, гейша.

L.G. Oshchepkov
Perm Museum of local lore

NATURALIST TRAVEL

Foreign trips for a resident of a Russian province in the early twentieth century were extremely rare, especially in exotic countries. Japan until 1904 was perceived by most Europeans as a backward Asian country located at a great distance from the centers of civilization. The sudden success of the Japanese in the war with Russia sparked a surge of interest in the emerging powerful new state on the world stage, as well as in its history and culture. One of the few natives of the Perm province who visited Japan at that time was Pavel Vasilievich Suzev, an officer in the Russian army, an amateur botanist, and subsequently a professor at Perm University.

Keywords: Suzev P.V., Manchuria, Nagasaki, Inos, Tokyo, Yoshiwara, Kabuki Theater, Kuruma, Geisha.

В начале XX века для большинства подданных Российской империи поездка за пределы своей губернии была событием, о котором потом на протяжении длительного времени рассказывали знакомым и родственникам. Заграничные путешествия могли позволить себе только обеспеченные люди. Некоторые из них, следуя традициям прошлых веков, переносили свои дорожные впечатления на бумагу. В государственном архиве Пермского края хранятся путевые заметки уроженца

села Ильинского Павла Васильевича Сюзева, совершившего весной 1906 года поездку по Японии.

Для сына бывших крепостных графа Строганова это была уже не первая страна, которую он посетил. Еще в 1890-х годах помощник окружного лесничего Пермского нераздельного имения Строгановых и ученик известного ученого-лесовода Ф.А. Теплоухова дважды с научной целью выезжал в Европу, побывав в Германии, Австрии, Франции, Бельгии, Италии и Швейцарии.

Мечта Сюзева познакомиться с растительным миром Дальнего Востока осуществилась несколько неожиданным образом. Летом 1904 года прaporщик запаса П.В. Сюзев был призван на действительную службу и получил

© Ощепков Л.Г., 2019.

Ощепков Лев Геннадьевич,

главный научный сотрудник отдела истории Пермского краеведческого музея,

lev680802@yandex.ru

назначение в Саратов, где происходило развертывание второочередных артиллерийских бригад. Из Саратова его часть была направлена на усиление противодесантной обороны Николаевска-на-Амуре, а после поражения русской армии под Мукденом их перебросили в Маньчжурию. Батарея, в которой он служил, простояла на Сыпингайских позициях до окончания войны с Японией, а в начале 1906 года началась демобилизация Действующей армии.

Транссибирская магистраль была забита эшелонами с военными грузами и демобилизованными солдатами, поэтому Военное министерство зафрахтовало несколько десятков судов для перевозки личного состава морским путем. Сюзев, который и в условиях войны не оставил ученых занятий и исследовал флору Приамурья и Маньчжурии, решил воспользоваться представившейся возможностью и познакомиться с природой и культурой Японии.

В начале марта 1906 года П.В. Сюзев выехал из Харбина по КВЖД и через два дня был во Владивостоке. Из Владивостока на пароходе ДоброФлота «Владимир», который шел в Одессу с тысячью пассажиров из числа демобилизованных, он прибыл в Японию.

«...» С рассветом наш пароход вошел в бухту Нагасаки. Моросил дождь и небо непроницаемо застилали тяжёлые облака. Живописные очертания гористых берегов мягко вырисовывались в дождливой мгле. Крутые конические сопки с обрывами жёлтых и красных горных пород среди роскошной зелени, покрытые оригинальными японскими соснами и рядами изумрудных посадок пшеницы, казались слишком декоративными, необычными для глаза. Перед нами открывалась волшебная панорама тех особенных видов, изображения которых мы привыкли видеть на художественных произведениях японского искусства...»

Экзотика встретила пассажиров «Владимира» сразу по прибытию в порт: «Спустившись тогда с четырёхсаженной вышины борта по скользкому трапу, я поместился от дождя в необычной каюте очень типичной японской лодки «сампан». Два лодочника, стоя на корме, как-то странно мешая воду веслами, быстро гнали лодку, ловко лавируя между пароходами и многочисленными судами, попадавшими по пути и, чем ближе к городу, их было всё больше и больше...»

«...» Миновав целый лес мачт, мы, наконец, подошли к каменной набережной, по-японски — хатоби. Сампан пристала у таможни. Прямо из воды широкая гранитная лестница вела к таможне — зейкан. Мои вещи лодочники положили на длинный прилавок. Из-за стеклянной перегородки выскочили

два малорослых чиновника, бегло взглянули в раскрытые чемоданы и, черкнув на них мелом какие-то каракули, скрылись. Никакой волокиты, ни спроса паспорта — все так просто обошлось, без придирок, стеснений, неприятностей, свойственных нашим таможням, с которыми я достаточно знаком по моим двум путешествиям в Западную Европу...»

Не стесненный в средствах Сюзев остановился в лучшей гостинице города «Hotel Nagasaki». Как положено туристу, он отправился знакомиться с местными достопримечательностями: «Нагасаки не имеет внушительного вида с моря. Бесконечно длинная набережная застроена скученными, нагроможденными небольшими двухэтажными зданиями. Дома, крытые тёмной черепицей, лепятся по склонам холмов, купаясь в прелестной зелени. Ничего яркого, пёстрого, колоритного. На набережной, обрамлённой гранитом, среди банков, клубов, агентств, консульств доминируют только два больших здания: «Honkong & Shanghai Bank» и «Hotel Nagasaki».

«...» Все большие магазины имеют вывески по-русски и английски, приказчики понимают и объясняются по-русски. Торговля здесь бойкая, преимущественно японскими изделиями, покупатели — русские и другие иностранцы... Здесь бойкая кипучая жизнь портового города. Всюду по кривым и узким улицам снуют быстроногие рикши, их здесь называют «курума». На лошадях, которых здесь крайне мало, перевозят лишь большие тяжести.

Я сделал беглый осмотр города. Благоприятный климат страны создает своеобразный тип жилища, одежды и всего жизненного обихода. Какую-нибудь неделю тому назад я выехал из Харбина глубокой зимой при -150 R мороза, а, прибыв сюда, увидел, как цветут пышные пунцовые камелии и неснятые ярко оранжевые мандарины («миканы» — по-японски) держатся еще в блестящей, сочной листве деревьев. Среди всюду растущей японской сосны много лиственных вечнозеленых деревьев. Зима здесь уже кончилась и наступила весна. Март в Японии — это пора цветущих деревьев. Улицы с настежь открытymi оригиналными домиками и фантастической толпой напоминают бесконечную феерию».

Один из самых замечательных памятников Нагасаки — синтоистский храм Осуга: «От монументальных ворот ведет вверх к храму колоссальная лестница более 200 ступеней из тесаного гранита. Кроме священного зеркала в храме ничего нет, на дворе большой бронзовый конь в натуральную величину. В священной конюшне содержится белая лошадь. Во дворе каменные памятники воинам, павшим за отчество.

Рис. 1. Фото. П.В. Сюзев в Нагасаки [2]

«...» Около храма, под вековыми камфорными деревьями, роскошными магнолиями и камелиями, присоседились чайные домики; шустрая мусумэ меня чуть не за рукав затащила из двора храма: «Господин, иди, пожалуйста, чай пить, господин, иди, пожалуйста, чайный дом есть». Этим исчерпывался запас русских фраз, но «чайные девицы» были очень назойливы, каждая зазывала в свой домик. Кое-как отышавшись, я поднялся еще выше в гору, чтобы полюбоваться как на ладони развернувшимся портом Нагасаки при закате солнца. Серый панцирь черепичных кровель города, окаймленный с одной стороны лазурью залива, с другой тонул в зелени холмов, где белели европейские виллы и высились остроконечные колокольни католической и протестантской церквей. Красные, черные, зеленые, белые пароходы различных наций группировались в бухте пестрой колоритной гаммой. Передний план картины по склону горы, откуда я любовался a vol doiseau, был обрамлен белыми и розовыми пятнами цветущих слив, вишен и персиков. Только бы взять кисть и рисовать, но это здесь строго запрещено, фотографирование преследуется в особенности».

Одной из особенностей города, отмеченных Сюзевым, было почти повсеместное использование русского языка, так как на про-

тяжении нескольких десятилетий здесь находилась база русского флота: «...Напротив города, на другом берегу залива, известное поселение Иноса. Тут наши моряки в течение многолетних стоянок свили настоящее гнездо, сюда едут они как домой. Гостиница очень популярной японки Амату-сан приурочена к русским привычкам, вкусам и порядкам. На веранде за длинным столом всегда несколько моряков. На стене фотографии русских судов и портрет Николая II — память о посещении гостиницы во время путешествия на Дальний Восток, в бытность наследником, а в биллиардной — «Правила Кронштадтского клуба». Вся эта обстановка и русские кушанья, которые подают за обедом, дают иллюзию, что здесь не чужбина, а родной угол.

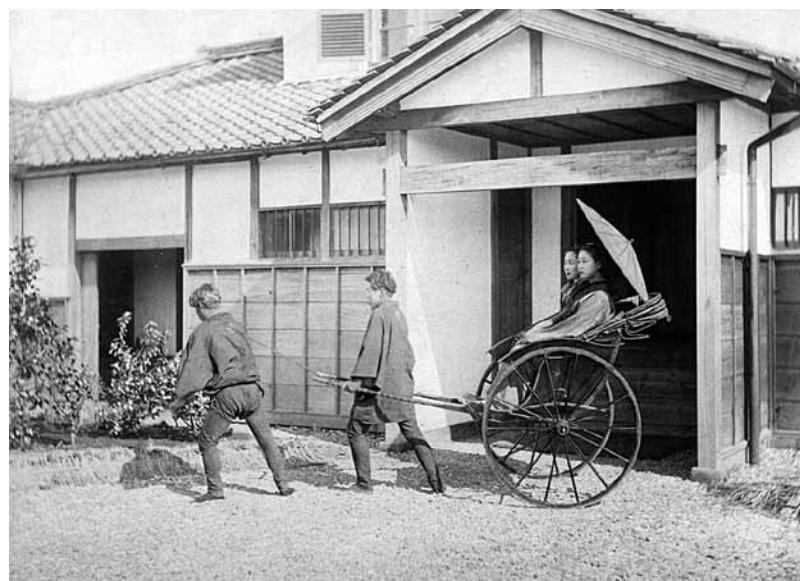
Нравы Иноса — этой русско-японской колонии — совсем своеобразны. Тут многие моряки во время нередких долгих стоянок завели временные семьи. Японские Акулины и Настасья оказываются преданными, услужливыми, ласковыми женами; они хранят безупречную верность за время сожительства и горько плачут при отъезде своих русских мужей. Конечно, потом находят утешение в новой привязанности. Среди раскосых глаз типичных япончат встречается немало Яшек и Никиток смешанного происхождения от временных браков...»

После нескольких дней, проведенных в Нагасаки, Сюзев отправился поездом в Токио. «...» Троє суток сидя в вагоне, я смотрел, наблюдал и изучал менявшуюся как в калейдоскопе японскую публику. Какой это благообразный, вежливый народ, скромный в своем жизненном обиходе. Остановки поезда на станциях незначительные, буфетов никаких нет, вокзалы обставлены чрезвычайно скромно. Лучший, какой я видел, в Осака. Публика первых двух классов утром попросту полошется где-нибудь у общего умывальника на перроне и потом завтракает и пьет чай в пути.

«...» Путешествие от Нагасаки до Токио чрезвычайно интересно. Протяжение этого пути захватывает половину страны, проходит по густонаселенной местности и по берегу замечательно живописного Внутреннего моря между островами Киу-Сиу, Сикоку и южной частью Хондо. С одной стороны — великолепная панорама. По залитой солнцем морской лазури бегут пароходы, снуют лодки и скользят под парусами рыбачьи суда и шхуны. С другой стороны — в долинах, на склонах гор в зелени юятся живописные селения с буддийскими храмами на красивых пунктах, с тщательно, как огороды, обработанными рисовыми полями. Веселые бамбуковые рощи

Рис. 2. Токио.
Улица с проезжающим трамом [2]

Рис. 3. Курумы за работой [2]

чередуются с сосновыми борами с примесью величавых криптомерий, изящных кипарисов и венчозеленой листвы разных субтропических лесных пород...»

В Токио Сюзев провел около двух недель, посвятив значительную часть времени работе в Токийском ботаническом саду. Познакомился он и с жизнью японской столицы: «...Катаясь на резвых быстроногих курумах, одолевая громадные расстояния величайшей из столиц на стремительном траме по бесконечным извилистым улицам, по затейливым мостикам, переброшенным через каналы, мимо настежь раскрытых домиков, среди кабалистики иероглифов на стенах, вывесках и флагах, наблюдая оригинальную пеструю уличную жизнь, я всюду видел, что старый строй уступает место новому...»

Совершая прогулки по многочисленным токийским паркам, путешественник получил возможность не только познакомиться с

природой Японии, но и приобщиться к истории и культуре страны: «...Многие уголки парка Асакуса превращены в миниатюрные японские садики со скалами и хорошенькими озерками, обрамленными корявыми, кривыми, но живописными деревцами. Удивительная бронза, препотешные грубые, страшно старые изваяния богов («нуре-ботоке») из серого гранита, подернутого мхами и лишаями. Каменные причудливые канделябры — «исидории», огромные грубые камни, поставленные ребром, с высеченными на них иероглифами кое-где торчат среди красивой зелени парка. Как жаль, что я не умел читать эти скрижали с изречениями древних философов, поэтов и великих людей...»

«...» Под длинным навесом, на фоне искусственной декорации, превосходная серия исторических сцен, народных героев: Бенкей, Ионцзунэ и других конных и пеших фигур. Превосходные фигуры из папье-маше в натуральную

Рис. 4. Гейша, играющая на симезине [2]

величину, отлично одетые, совсем как живые по экспрессии и переданному движению...

<...> Народ, от мала до велика, любуясь этой галереей богов и героев, знакомится с древней историей страны, гуляя мимоходом. А дети — они в восторге от этого назидательного зрелища, они часами рассматривают десятки героев, запоминая имена, по временам даются объяснения с историческими комментариями. Оттого каждый мальчик уже знает популярные имена и главные моменты истории своей родины...

<...> Великолепный буддийский храм «Заджики», значительный произведениями искусства, находится в парке Шиба. Парк Шиба составляют священные рощи храма. Под таинственной сенью камелий, стройных кипарисов, величавых криптомерий и камфорных лавров — пышные мавзолеи сиогунов династии Токугава...

<...> Грандиозные двухэтажные красные ворота «Ни-тэн-мон» ведут к главному храму, окруженному лабиринтом галерей, пагод и дворов со священными изваяниями и каменными фонарями «исидоро». Это огромное произведение японского зодчества ласкает взор гармонией линий в причудливой комбинации смелого масштаба. Эта оригинальная постройка из дерева окрашена в густой ярко-синий цвет, эффектно оттененный зеленью

парка и яркой синевой глубокого неба. Массивные черепичные шатровые крыши с углами, загнутыми вверх, по-китайски, украшенные чудищами, химерами и символическим узором, поддерживают ряды высоких толстых колонн, на выделку которых шли могучие гиганты — хиноки из глухих лесных дебрей. Решетчатые ажурные стены с окнами из просвечивающей бумаги, полы, облицованные свежей мягкой изящной циновкой, богатая внутренняя отделка позолотой, резьбой и живописью, фантастичность и полуумрак алтаря среди золоченых идолов, безмолвные бонзы, тихо сопутствующие при обозрении храма — все это так ново, необычайно и интересно. Без обуви, в легких туфлях, бесшумно переходишь длинными галереями и закоулками из храма в храм, созерцая невиданную сказочную обстановку этой буддийской лавры...

У себя дома в Ильинском и в Очере Павел Васильевич участвовал в любительских спектаклях и был не чужд театрального дела. Естественно, что его заинтересовало устройство традиционного японского театра: «... Совершенно неожиданно для себя я попал на спектакль в императорский театр Кабуки-за...

<...> Публика собиралась в театр часов с десяти утра на целый день до восьми вечера. Около театра было очень оживленно. Толпились живописные группы в праздничных кимоно, быстроногие курумы то и дело подкатывали свои колясочки с нарядными японками, всюду шмыгала веселая детвора...

<...> Театр в общем устроен по такому принципу, как и наш. Три яруса с ложами, партер, разбитый на квадраты. В квадратных углублениях помещаются семейно, с чайком и своими закусками. Театр внутри обильно и пестро декорирован зеленью, флагами и народными эмблемами — цветами вишни и хризантемы. Зрительный зал освещен электричеством a giorno...

<...> В театре особенно рельефно сказывается то, что Япония сразу перешла от средних веков к современной жизни, сохранив пережитки старого. Исполнение пьес исторических из феодального времени крайне своеобразное, полное условностей. Оно напоминает древнегреческий театр, как и там вычурная позировка, преувеличеннная мимика, мелодекламация и, наконец, хор. Действующие лица на сцене говорят по очереди, нараспев, деланным голосом, даже замогильным, там где смерть и ужас по ходу пьесы. Дикция выразительная, отчетливая и понятная. Играют без суплера. По обе стороны сцены в особых ложах, скрытые за гардинами небольшие хоры.

<...> На сцене сохраняется забавный анахронизм. Во время действия крадучись по-

Рис. 5. Киото. Вид на озеро Бива [2]

являются какие-то таинственные фигуры, с головы до ног в черном, предполагаемые невидимыми — они убирают ненужные вещи, способствуя быстрой смене обстановки. Сцена устроена на круге, вращающем на оси, что весьма ускоряет смену картины. На одном сегменте круга — действие, а на другом — сзади, уже установлена декорация для следующего действия.

Курьезно, что во время хода пьесы, явление действующих лиц следует через партер по особым трапам на авансцену. Два трапа, т.е узкие длинные мостки, по-японски — хамамици, перпендикулярно упираются в сцену по ту и другую ее стороны...

<...> Японская публика любит смотреть на сцене ужасную кровавую реальность, в особенности харакири — вспарывание живота. Харакири фигурирует во всех старинных трагедиях и драмах народного театра. Потоки искусно проливаемой крови вызывают бурный восторг. В японских пьесах чувства главных героев всегда возвышены, поступки благородны до самопожертвования. В новом японском театре главное место занимает комедия и в особенности фарс из современной жизни...».

Для европейца начала XX века побывать в Японии, и не увидеть своими глазами знаменитых на весь мир гейш было невозможно. Не стал исключением и Павел Васильевич: «... Вход в большой одноэтажный дом освещали два больших бумажных фонаря с иероглифами. Два японца с церемониальными поклонами учтиво нас встретили. Против обыкновения, нам дозволили остаться в нашей кожаной обуви, но слуги надели на наши штиблеты белые чехлы, подвязав их тесемками. В таком виде нас провели по отличным мягким циновкам длинным коридором в большой зал, осве-

щенный электрическими лампочками. Перед нами две молоденькие служанки бросились на четвереньки, потом они принесли чай и мikanы, поставив перед нами на пол с низкими поклонами. Мы уселись, за неимением мебели, на полу на квадратных небольших ковриках, разместившись полукругом...

<...> Наш спутник, хорошо знающий местные порядки, пошел условиться в цене с импресарио труппы. Торг окончен, заказана дюжина гейш, из них шесть танцовщиц и шесть для вокально-музыкального к ним аккомпанемента. За каждую гейшу запрошено в час по две иены, т. е. около двух рублей, но после наших настойчивых переговоров было условлено по полтора рубля.

Из двери, как раз против нас, стали попарно выходить гейши и, становясь на колени, отвешивать нам поклоны до земли. Справа и слева разместились гейши с самезинами и кото. Полдюжины хорошенеких куколок подбеленных и поддумяненных в чудесных ярких кимоно стали в живописные позы полукругом. Зазвучали самезины, полились звуки песни и гейши, подняв руки, стали танцевать. В своих белых таби (носках) они в такт вытаптывали оригинальные pas...

Исполнив целую серию танцев, уставшие гейши бросились на колени и, земно кланяясь, благодарили нас за аплодисменты, которыми мы их наградили. Они чинно уселись около нас, поправив сперва свой макияж при помощи добытых из обширных рукавов банок румян и зеркальца.

Гейши-танцовщицы были совсем юные, лет по 15–16, они были миловидны, как на подбор. Нельзя назвать их красивыми, но впечатление они производят отличное, они нравились... Эти ласковые черноокие кошечки, веселые хохотушки, остроумные собеседницы самим

проводением назначены услаждать скромное существование японца...

<...> Хотя гейши живут в обстановке легкого нрава, но, тем не менее, они далеко не так доступны, как наши артистки открытых сцен. Немало гейш стяжали себе имя в литературе, других отраслях японского искусства и даже на арене широкой общественной деятельности...».

Посетил Сюзев и некоторые злачные места Токио, в том числе квартал «красных фонарей» Йошивара: «...В центре Йошивара прямые чистые улицы, полные ночного оживления, как на парижских бульварах. Трехэтажные красивые дома, окруженные галереями, ярко иллюминированы, фасады некоторых освещены электричеством.

Перед нами ряды больших оригинальных магазинов с открытыми выставками молоденьких японок 15–20 лет, которыми любуются с улицы. Мы пошли по обозрению этого «магометова рая». Эти выставки-магазины с живым товаром устроены по одному типу. В первом этаже вместо наружной стены редкая решетка, как в зверинце. За ней, как на сцене, чинно сидят на полу в ряд прелестные одалиски. Они выставлены с восьми вечера до двух ночи. Одеты одинаково в превосходные кимоно, шитые шелком или тканые; одна фирма превосходит другую оригинальностью и роскошью убранства. Здесь обычны исторические старинные костюмы, каких более нигде не встречается. Прически — чудеса парикмахерской техники, изобретательности и искусства. Черные богатые шевелюры зачесаны в хитрые вавилоны, украшены при-

чудливыми шпильками. Лица побелены, а на нижней губе выведен красный кружок, похоже на то, как у нас актрисы подрисовывают «сердечком». Они сидят под ярким светом на цветных ковриках и циновках, беспечно покуривая трубочки, приветливо улыбаясь глязющей на них публике...».

Покинув Токио, Сюзев продолжил свое путешествие по Японии, побывав еще в ряде мест, в том числе и Киото, бывшей столицы сёгунов Токугава. После месяца проведенного в «стране восходящего солнца», он, наконец, вновь взошел на борт парохода и отправился на родину. В ходе продолжительного плавания Павел Васильевич побывал в портах Южного Китая, на Цейлоне, на Аравийском полуострове. Пройдя Суэцким каналом, пароход вышел в Средиземное море и направился в Черное море, с заходом в Стамбул. Летом 1906 года Сюзев прибыл в Одессу. Еще в дороге он начал систематизировать свои записи о проведенных в Японии днях, но, к сожалению, полностью их оформить так и не смог. Единственная его публикация «Из путешествия по Японии (заметки ботаника)» вышла в 1907 году в VII томе «Трудов ботанического сада Юрьевского университета». Остальные материалы были переданы его наследниками в архив.

Библиографический список

1. Николаев С.Ф. Испытатель природы Павел Васильевич Сюзев. Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. 56 с.
2. Сюзев П.В. Япония теперь.: Государственный архив Пермского края, ф.679, оп.1, д.63.